

ИНТЕРВЬЮ

ЭО, 2006 г., № 6

© Е.И. Филиппова

КРОВЬ ИЛИ ПОЧВА? (ЧТО ТАКОЕ ФРАНЦУЗСКАЯ НАЦИЯ СЕГОДНЯ): ИНТЕРВЬЮ С ЭРВЕ ЛЕ БРАСОМ

Елена Филиппова (далее – **Е.Ф.**): За Францией на протяжении нескольких веков закрепился образ государства-нации, нации сограждан, не основанной на *праве крови*. В то же время, как и любая другая нация, французская нуждается в основополагающем мифе, придающем легитимность самому ее существованию и оправдывающему притязания на национальную территорию. В основании этого мифа лежит галльский субстрат, составляющий "важнейший элемент, определяющий французскую идентичность" (Amselle 2001: 16). Однако нельзя не согласиться с тем, что, "помещая истоки нации в давно прошедшие времена, утверждая принцип примитивной автохтонии, мы оказываемся в рамках субстанциалистской определенности" (Gossiaux 1997). Не кажется ли Вам, что такая концепция истории Франции, выдвигающая на первый план этническую гомогенность нации, предопределяет логику ее культурной гомогенизации? Принцип "равенства", начертанный на республиканских знаменах, не является ли на деле принципом "тождества", т.е. одинаковости?

Эрве Ле Брас (далее – **Э.Л.Б.**): Слово "этнический" лишь недавно вошло в употребление во Франции, и я не думаю, чтобы когда-либо речь шла об "этнической гомогенности". Разговоры об этом начались лет 15 назад, даже позже! До этого, хотя и поднимались проблемы, связанные с расовыми различиями, но даже антропологи начала XX в. описывали Францию как страну, смешанную в культурном отношении, а отнюдь не как "этнически чистую" нацию. Выбор в пользу культурной гомогенизации, уравнивания различных частей страны, действительно, был сделан, но произошло это в полной мере лишь в годы Третьей Республики. Закон Ферри об образовании был принят вовсе не для борьбы с неграмотностью, его целью было добиться унификации образования: чтобы все ученики по всей стране учили одно и то же. Именно в это время им начинают преподавать историю "наших предков – галлов". Совершенно очевидно, что именно Третья Республика стала поворотным моментом, возможно, потому, что ей суждено было решительно положить конец любым попыткам реставрации монархии, но до этого... Мне кажется, что культурная гомогенизация не была столь явной даже при революционном режиме.

Е.Ф.: Формула "наши предки – галлы" противоречит другой знаменитой формуле: принципу социального договора, "каждодневного плебисцита". Ведь предков не выбирают, и даже "усыновление" невозможно без воли родителей.

Э.Л.Б.: О, это знаменитый текст Ренана! Ренан – интересный автор: если почитать его внимательно, то оказывается, что он говорил не совсем это. Он написал множество работ, однако обычно цитируют эту его небольшую лекцию. Между тем в других

Елена Ивановна Филиппова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Эрве Ле Брас – директор Лаборатории исторической демографии Высшей школы социальных исследований (Париж).

своих сочинениях он близок к расизму, вы знаете об этом? Я лично не очень понимаю, что такое "каждодневный плебисцит". Можно еще понять, когда говорят: "Коль скоро мы французы, надо продолжать ими оставаться", но все же в этой формуле что-то неправильно. Вы не можете вот так запросто, умываясь поутру, заявить: "все, сегодня результат плебсцита негативен, я больше не француз". Вы им остаетесь пожизненно, если только вас не лишат гражданства, но это происходит с единицами, а не в массовом порядке. Поэтому я никогда не мог понять, в чем состоит эта идея добровольности применительно к большинству населения.

В 1986 г. во Франции была предпринята попытка пересмотреть кодекс о гражданстве, основанный на праве почвы, поставить под сомнение автоматическое приобретение гражданства по достижении 18 лет. Начались дискуссии по поводу того, что необходим акт волеизъявления. Поскольку не удавалось найти исторических корней для обоснования легитимности подобного акта (ни о чем подобном речь не шла в кодексах о гражданстве начиная с 1891–1892 гг.), стали искать в литературе и обнаружили эту фразу Ренана. Она оказалась очень кстати в качестве аргумента в дискуссии, но в то же время идея волеизъявления явно противоречит всем предшествующим установлениям, которые всегда носили автоматический характер – за исключением случаев натурализации, разумеется, которая действительно является добровольным и непротестным делом, поскольку требует соответствия множеству условий.

Вы совершенно правы, ссылки на галльское происхождение плохо сочетаются с идеей каждодневного плебсцита. И эта проблема сегодня обсуждается во Франции. Неделию назад в ходе телевизионных дебатов депутат Жюльен Дрей, представитель социалистической партии (я с ним хорошо знаком, мы оба были в числе создателей ассоциации "SOS-Расизм" в 1986 г.), высказался по двум принципиальным вопросам. Во-первых, сказал он, «выражение "француз иностранного происхождения" не имеет никакого смысла: есть французы и не французы. И если человек – француз, то нам не должно быть никакого дела до его "происхождения"», до того, были ли галлы среди его предков. Это позиция, с которой я совершенно солидарен. Об этом же идет речь в моей книге "Демоны происхождения" (*Le Bras* 1998). Сегодня утром я беседовал с советником президента Ширака по проблемам иммиграции Бландин Кригль, которая возглавляет одновременно Высший совет по интеграции, и она тоже согласилась с позицией социалистов. Так что, как видите, вся эта история с галлами выглядит не вполне уместной в данном контексте.

Второе предложение, которое сделал Ж. Дрей, состоит в том, чтобы отказаться от употребления термина "интеграция" применительно к детям иммигрантов, родившихся во Франции: "это слово может относиться лишь к иммигрантам, родившимся за рубежом, перед которыми стоит проблема вхождения во французское общество; но дети иммигрантов, родившиеся во Франции, – это французы!". Здесь снова мы видим ту же логику рассуждения: проблемы интеграции не существует или, вернее, существует проблема социальной интеграции, но не этнической. Есть проблема культурной интеграции, которая касается и детей крестьян, и детей рабочих на севере страны, и детей шахтеров, т. е. нельзя сказать, что интеграция – специфическая проблема, связанная с иностранным происхождением. Есть социальные проблемы, этого никто не отрицает, как и того, что эти проблемы могут быть отчасти порождены неумелой миграционной политикой. Но слово "интеграция" не имеет под собой смысла. Мне никогда не нравился этот термин, поскольку в нем явно слышится пренебрежение: есть те, кто интегрирован, и те, кто не интегрирован. Это бранное слово для обозначения Другого, причем этот Другой – обычно выходец из Северной Африки или человек с арабским именем, и т. д. Это очень опасно – видеть в другом принципиально отличного от нас, неинтегрированного, существо низшего порядка. Возвращаясь к телевизионным дебатам, о которых я упоминал выше, хочу отметить, что социалисту Дрею не возразили присутствовавшие в студии центристы, они были скорее согласны с его точкой зре-

ния. Единственные, кто выступали против, – это представители Национального Фронта. У меня есть ощущение, что в последние месяцы формируется определенный консенсус среди партий и движений политического центра относительно того, чтобы прекратить принимать во внимание происхождение. Я не хочу сказать, что дело уже сделано, но определенное движение в этом направлении идет, и оно будет продолжаться. Вот и представители исламских ассоциаций призывают: "довольно уже говорить об интеграции применительно к нам! Проблема не в этом, а в том, соблюдаем ли мы республиканские законы, имеем ли мы право на определенную автономию...". И я лично согласен с тем, что вопрос ставится некорректно. Вы, может быть, видели на днях здесь, в Париже, очень интересную демонстрацию против запрета на ношение в школе платков?

Е.Ф.: Да, видела.

Э.Л.Б.: Демонстрантов было не очень много. Но что важно отметить, во-первых, это была демонстрация бедных. Богатых людей не было в рядах манифестантов. Во-вторых, там были и девушки в платках, и мужчины с бородами – таковы правила игры. Но меня поразило обилие красно-сине-белых флагов, это была в определенном смысле демонстрация националистов! И они почти все время пели "Марсельезу".

Е.Ф.: Да, я тоже была на этой демонстрации и видела лозунги "Свобода, равенство, братство".

Э.Л.Б.: Вот что меня поразило: эти люди – можно сказать, жертвы французского общества, – требовали, чтобы их признали принадлежащими к этому обществу. Ведь, по сути, они требовали именно этого!

Е.Ф.: Если только мы не имеем дело с умелой манипуляцией извне, Вы не допускаете такой вероятности?

Э.Л.Б.: Если бы имела место манипуляция, были бы обязательно несогласные, которые сказали бы: "ни к чему нам эти флаги" или пришли бы с исламскими знаменами. Но ведь ничего подобного не было! Это почти как в США, где из иммигрантов получаются убежденные националисты. Просто невероятно, как Америке удастся фабриковать националистов за какой-то десяток лет! Конечно, это самая сильная на сегодня страна, но она убедительно демонстрирует, что путь к национализму вовсе не обязательно лежит через ассимиляцию. Национализм вполне может сочетаться с культурным многообразием. И мне кажется, что в недавних парижских демонстрациях есть и эта составляющая: это люди, которые требуют для себя права на культурную отличительность, в то же самое время желая показать, что они в первую очередь французы. Защищать свое право на отличие – не значит отказаться от Франции, напротив, для нас Франция – это страна, терпимая к различиям, достаточно открытая в этом отношении страна. Вот ответ на ваш вопрос о галлах.

Е.Ф.: Так что же такое сегодня французская нация, и чем она станет завтра? Согласны ли Вы с мнением Пьера Бирнбаума, который считает, что Франция балансирует между признанием культурного плюрализма, последствия которого непредсказуемы, и формированием новой идентичности, в которой кровное родство и этничность будут играть иную, более важную роль? (*Birnbaum 2003: 358*).

Э.Л.Б.: Я, наверное, не тот человек, кому имеет смысл задавать этот вопрос. Я очень верю в Европу, потому что убежден, что будущее Франции связано с Европой. Да, я типичный француз, если хотите. Я родился на площади Пантеона, мои родители – французы, университетские профессора. Я учился в Латинском квартале: сначала в коллеже, потом в лицее, потом в Высшей политехнической школе. В конце концов я совершил "большое путешествие" через Люксембургский сад и теперь живу в шестом квартале. То есть не просто парижанин, а парижанин с левого берега. Но в то же время я себя ощущаю гражданином мира.

Вы знаете, есть два типа людей: одни считают, что люди все очень разные – это релятивисты. И другие, я в их числе, кто думает, что, несмотря на различия культур, в

людях гораздо больше общего. В самом начале своей научной карьеры, сразу после Политехнической школы, я, хоть и учился на математика, отправился заниматься антропологией в Чад, и там жил бок о бок с местным населением. Я думал сначала, что они совсем другие, с их мифологией и тому подобным, – и все это действительно было, но в то же время оказалось, что в своих взаимоотношениях, в том, что касалось торговли, обмена и пр., эти полуголые люди, натирающие свои тела маслом, живущие среди бездорожья, в состоянии, близком к природному, очень на нас похожи. Безусловно, существовали различия, но наряду с этим – глубинная, сущностная общность.

Поэтому мне не очень близки идеи "защитить Францию" и тому подобное. Меня больше интересует, какое место нам предназначено в человеческом сообществе. Я выступал бы скорее за то, чтобы французы больше ездили за границу, лучше знали жизнь за пределами своей страны. Люди моего поколения много путешествовали в молодости, это была эпоха хиппи. Сейчас все по-другому, на смену поездкам автостопом пришел комфортабельный туризм, и контакты между людьми стали более редкими. Наверное, у русских все наоборот, вы ведь долго жили за железным занавесом, а теперь стали путешествовать...

Возвращаясь к Вашему вопросу: да, я хорошо знаю точку зрения П. Бирнбаума. У меня такое ощущение, что Франция прежде всего сама себя пугает. Нет практически никого, кто выступал бы за настоящий мультикультурализм, такой, как описывает В. Кимлика, – на мой взгляд, это автор, который наилучшим образом объяснил, что означает мультикультурализм в политическом смысле. Я не знаю во Франции никого, кто бы стоял на этих позициях. Есть несколько интеллектуалов, но нет ни одной политической партии, ни одного профсоюза. Мне кажется, что, как максимум, речь идет о свободе личности, но практически все слои общества не согласны с мультикультурализмом американского типа. Я не думаю, что тут есть какие-то сомнения, колебания. Кто сегодня представляет во Франции мультикультурализм? Назовите мне хоть одно имя! Говорят, что это Тарик Рамадан – правда, он швейцарец саудовского происхождения, ну да ладно... Но даже Рамадан говорит: "Нет, я за интеграцию" и выступает за адаптацию ислама к местным законам. Во всяком случае, это нельзя назвать жестким мультикультурализмом! Возьмем другое имя: Мишель Вевьорка, которого Вы, конечно, прекрасно знаете, представлял в свое время мультикультуралистское направление. Но почитайте его – и Вы увидите, что он проповедует толерантность, однако вовсе не выступает сторонником культурной автономии внутри страны. Настоящий мультикультурализм состоит в требовании специфических прав для той или иной группы; я не знаю таких случаев во Франции. Как крайность, некоторые мусульманские группы пытаются добиться, чтобы в бассейнах были отдельные дни или часы для мужчин и женщин, но им это не очень удается, поскольку администрации бассейнов вовсе не обязаны принимать их условия. И даже подобные группы никогда не ставят вопрос о том, чтобы законодательно закрепить свои особые права. Таким образом, я не вижу особого стремления к мультикультурализму. Возможно, это связано с тем, что во Франции и так сохраняется большое культурное многообразие. Еще совсем недавно быть бретонцем, баском или эльзасцем означало совсем не одно и то же, и Франция была своего рода средством, позволяющим жить всем этим разным культурам, разным регионам.

Е.Ф.: Как влияет на ситуацию создание общеевропейского пространства? Сегодня, когда межгосударственные границы стираются, а на смену национальному гражданству приходит гражданство Евросоюза, не становятся ли этнические связи более существенными, чем прежде? Иными словами, можно ли ожидать исчезновения национальных государств, которые вынуждены противостоять одновременно давлению сверху, со стороны общеевропейских структур, и снизу, со стороны регионов, требующих себе все большей самостоятельности?

Э.Л.Б.: Я не думаю, чтобы это было связано. Да, можно сказать, что, например, Каталония определенным образом использует Европу, чтобы обойти Мадрид. Но во Франции мне не известна ни одна партия, которая выступала бы за сближение с Брюсселем. Может быть, есть небольшие группы среди корсиканских националистов, однако, скажем, в Бретани я не видел, чтобы какая-то из партий использовала в своей предвыборной кампании подобные лозунги, чтобы она выдвигала Европу в качестве альтернативы. Федералисты – те же каталонцы, например, – считают, что они могут вести дело напрямую с Брюсселем, и им теперь нет необходимости действовать через Мадрид. Однако Брюссель как раз не признает регионы. Евросоюз – очень бюрократическая структура. Есть первый, второй, третий уровни – и не может быть и речи о том, чтобы второй уровень противоречил первому. Поэтому единственный выход для федералистов – это заключать соглашения с регионами за пределами своей страны, что и делают каталонцы. Во Франции нет этого стремления "идти в Брюссель в обход Парижа". Единственное, что может сделать Брюссель, – и что он делает, – это ослабить Париж, и, действительно, Евросоюз своими ограничениями отнимает часть власти у французского правительства. Но в то же время Франция, например, не ратифицировала европейскую хартию о региональных языках.

В Бретани есть такая группа – "Diwan", я немного общался с этими людьми в Бресте. Очень интересные люди, но они немногого добились! Сегодня можно сказать, что они терпят крах, что, на мой взгляд, несправедливо, поскольку это убежденные люди, с четким видением того, что они хотят. Но они никогда не имели большой поддержки в народе. Есть ассоциации родителей, силами которых организовано обучение 2–3 тыс. детей бретонскому языку, от начальной школы до лицея. Это немного, и число учеников этих школ практически не растет, несмотря на то, что все считают величайшей несправедливостью тот факт, что французское государство уничтожило бретонский язык. Когда вы приезжаете в Брест, вы понимаете, что это за чувство: достаточно взглянуть на карту. Бретонцы живут в стране, где географические названия для них лишены смысла. Это как если бы вы жили в России, в Москве, не понимая русского языка. Названия улиц, городов, деревень ничего вам не говорят! Это очень странное ощущение. Один бретонский писатель и путешественник, Виктор Сегален, описал это на примере аборигенов Океании и Таити, которых заставили забыть их язык, их религию и которые оказались как бы иностранцами в собственной стране. Они больше не понимали символов, обычаев, терминов. Примерно то же самое случилось и с бретонцами, что достаточно грустно, и в то же время они не бунтуют, по крайней мере, нет массового и организованного движения.

Е.Ф.: Насколько универсальным явлением можно считать расцвет религиозного и этнического фундаментализма, который наблюдается сегодня во многих странах? Что стоит за ростом влияния коллективных идентичностей? Объясняется ли этот феномен в первую очередь потребностью индивида в принадлежности к группе, которую он волен выбирать, или же влиянием государства и общества, "навязывающих" индивиду ту или иную идентичность? Согласны ли Вы с мнением о том, что именно взгляд и воздействие со стороны предопределяют принадлежность личности к конкретной группе: "влияние своих – родных, соотечественников, единоверцев, – которые стремятся заставить его приноравливаться к себе, и чужих, исключаяющих его из своего круга"? (Maalouf 1998: 33).

Э.Л.Б.: Да, это интересный вопрос. Если вы живете в Руанде, например, вы практически загнаны в угол, вы обязаны осознать и провозгласить свою групповую принадлежность, поскольку назвать себя "хуту" или "тутси" – это вопрос жизни и смерти. Очень интересно и глубоко исследовала этот вопрос Хана Арендт. В своей книге "Рахель Варнхаген" (Arendt 1993) она рассказывает историю еврейской девочки, живущей в Германии в 1800–1810 гг. и пытающейся не быть еврейкой. Тем не менее постепенно, под влиянием различных событий, под влиянием окружающих она ею становится.

Хана Арендт затем вернулась к этой рукописи уже после Второй мировой войны и опубликовала в 1953 или 1954 г. очень глубокие размышления на тему о том, каким образом взгляд со стороны делает нас теми, кто мы есть, но как, тем не менее, мы выбираем, в зависимости от конкретных обстоятельств, кем быть, чтобы быть менее уязвимыми. Рахель, героиня Ханы Арендт, проходит через все этапы – от полного отрицания до принятия иудаизма. В определенный момент жизни она чувствует себя целиком и полностью немкой. Немцам хорошо известна эта ситуация, многие пережили аналогичные драматические истории: до 1933 г. они не задумывались над тем, что значит "быть евреем". Это было вне их повседневной жизни, они не были религиозными, они спешили жить, занимались наукой или бизнесом – и вдруг им объяснили, кто они такие, хотя для них в этом не было никакого смысла. И Хана Арендт исследует то, как люди начинают вести себя с того момента, когда их групповая принадлежность приобретает определенный смысл для других. Еще в одной книге она отвергает сионистское решение данной проблемы, точнее, отвергает создание государства Израиль как ее решение. За это она подверглась в свое время жестоким нападениям со стороны сионистов, обвинивших ее в предательстве. Ее размышления прекрасно демонстрируют всю сложность внутренних переживаний человека, который под давлением определенных обстоятельств вынужден выбирать свою культурную или этническую принадлежность.

Сегодня во Франции для меня и таких, как я, это не важно, это не представляет никакого интереса. Но для молодого человека иммигрантского происхождения, безработного, обитателя неблагополучного пригорода все это вовсе не абстрактный вопрос, его коллективная идентичность навязывается ему извне. Стоит ему спуститься в метро – и вот уже полицейский спрашивает у него документы. И в ответ на это, как в истории, описанной Ханой Арендт, он может ощутить потребность защищать свое право на этническую принадлежность. Вот что может произойти, и тонкость рассуждений Ханы Арендт состоит в том, что она понимает: это зло, с которым приходится считаться. Безусловно, она далека от мысли, что "быть евреем" – это неотъемлемое свойство конкретного индивида, но с того момента, когда некое общество разделяется на евреев и неевреев, и окружающие "записывают" индивида в тот или иной лагерь, перед ним встает выбор: согласиться с этим или отказаться. Мы не можем отмахнуться от этого вопроса, заявив, что "евреев не существует", коль скоро они существуют в социальной реальности и в реальности общественных практик. Это значит, что человек может подвергнуться нападению, оказаться в тюрьме или, напротив, стать палачом и мучителем. И это приходится принимать во внимание. Сама Хана Арендт, кстати, во время войны, находясь в изгнании, активно помогала еврейским благотворительным организациям, что дало основания некоторым ее противникам обвинять ее в чрезмерной проеврейской ангажированности. Однако сама она объясняла, что в той ситуации, в которой находились она и ее близкие, эта деятельность была для них условием выживания. Таким образом, это был осознанный личный выбор, хотя и предопределенный обстоятельствами.

Е.Ф.: В "племенную" концепцию идентичности (*Maalouf* 1998: 43) вполне вписывается "установление нового социального договора, уже не между индивидами, но между общинами" (*Amselle* 2001: IV), что предполагает фиксацию, "натурализацию" воображаемых сообществ и их судеб. "Для упрощения ситуации мы объединяем под одним названием самых разных людей, приписываем им коллективные мнения, коллективные действия, коллективные преступления" (*Maalouf* 1998: 29). Не слишком ли высока цена подобных упрощений? Кажется очевидным, что ответом на такую политику становится замыкание общин внутри себя.

Э.Л.Б.: Жан-Лу Амсель, которого Вы цитируете, – один из наиболее сомневающийся в существовании этнических групп. Я хорошо знаю его работы, в частности, по антропологии Западной Африки, где он убедительно доказывает, что местные *ethnies*

суть изобретение французской колониальной администрации. Местное население группировалось по поселенческому типу; это французы "разделили" его на *ethnies* и придумали им наименования, а затем, на основе этой классификации, решили, что те, кого называют "фульбе", поддаются "цивилизации" лучше, чем другие. Это, впрочем, случается всякий раз, как только появляется *ethnie*. Точно так же идеологи Третьего рейха считали, что среди населения Польши есть группа, поддающаяся "германизации", – речь идет о силезцах. Здесь мы имеем дело со старой расистской теорией, утверждающей, что путем скрещивания населения, подвергшегося метисации, с носителями "исходных" генов можно восстановить расовую чистоту. Были и французские авторы (я анализирую их взгляды в своей книге "Кровь и почва"), которые в период между двумя мировыми войнами много писали о так называемых *ethnies*. Они утверждали, например, что иммигранты из Северной Италии, из поколения в поколение вступая в браки с французами, станут в конце концов французами, благодаря доминированию близкородственных генов. В то же время нет ни малейшего шанса ассимилировать генетически "далекие" популяции, потомки которых обречены оставаться метисами.

Что касается обыкновения объединять разных людей в одну категорию, то это, на мой взгляд, проявление не столько расизма, сколько эгоцентризма. Мы считаем, что все, кто не похожи на нас, мало отличаются между собой. В Африке я жил одно время в поселении скотоводов, это была группа, близкая к нуэрам, – высокие, очень немножкожие люди. А по соседству в лесостепной зоне кочевало пришлое население: пастухи фульбе бороро, совершавшие дальние переходы от Судана до Сенегала. Однажды я спросил у своего информатора что-то о фульбе, что-то вроде "какие они?". Он посмотрел на меня изумленно и ответил: "так они такие же, как вы: тоже белые!". То есть он услышал в моем вопросе, что для меня фульбе и нуэры – почти одно и то же, и в ответ дал понять, что это я почти как фульбе, по сравнению с ним и его соплеменниками, которые не имеют с нами ничего общего. Такой эгоцентристский подход существует испокон веков: вспомним, что для греков все остальные были варварами.

Напротив, что касается отношений внутри группы... Равенство вовсе не является естественным состоянием общества. В этом вопросе нельзя недооценивать европейскую политическую традицию, родоначальником которой стал Гоббс. Речь идет о политическом решении считать других равными себе. Все люди равны, потому что каждый из них в состоянии убить своего соседа, каждый может нанести вред другому. Это страшное равенство, потому что из него вытекает война всех против всех, и единственное средство ее остановить – это государство, которому все равно подчинены. Таким образом, идея равенства – глубоко политическая идея, стоящая вне каких-либо биологических категоризаций. Речь идет о гражданском равенстве, а не о равенстве культурных или физических способностей.

Е.Ф.: Нередко можно слышать разговоры о бессилии интеграционных механизмов, даже о провале французской интеграционной модели. Согласны ли Вы с такими оценками?

Э.Л.Б.: Нет, абсолютно не согласен! Когда говорят о провале интеграционной модели, на самом деле хотят сказать: "есть люди, которые очень сильно от нас отличаются, и мы не хотим признать их такими же, как мы". Да, я тоже часто слышу, что "интеграция прекратилась", но не вижу ни малейшего подтверждения этому тезису. Нет никаких статистических данных, никто ни разу мне не смог объяснить, как можно измерить интеграцию! Таким образом, все эти заявления с научной точки зрения абсолютно не обоснованы. За ними стоит вполне определенный смысл: "Мы не хотим этих иммигрантов!". Немногие решаются, по примеру Ле Пена, прямо заявить: "Убирайтесь восвояси"; вместо этого говорят: "Интеграционные механизмы не срабатывают".

Я думаю, что если мы возьмем конкретные критерии, – например, владение языком, пищевые привычки и пр., – и сравним по этим показателям сегодняшних "иммигрантов" с "иностранцами", как их тогда называли, 1930-х или 1910-х годов, то выяснится, что нынешние интегрированы не в меньшей, а скорее в большей степени. Мне кажется, что сегодня идея "интеграции" подразумевает по сути "ассимиляцию", т.е. необходимость стать "похожими". Но ведь на самом деле "интеграция" означает вовсе не это! Вы знаете, что означало "быть интегрированным" в 1930-е годы? Из Польши, например, переселяли рабочих целыми деревнями, вместе с польскими священниками и польскими учителями, для них строили на новом месте поселки, и владельцы производств не жалели на это денег, поскольку тем самым они обеспечивали себя стабильной рабочей силой. Они не хотели иметь дело с рабочими-холостяками, которые часто меняли место работы. Для работодателей "интеграция" отнюдь не означала интеграцию с Францией, а лишь интеграцию в семейную и производственную среду. Слово "интеграция" вышло из употребления в 1945 г. и было вновь введено в оборот в 1960-е годы, когда его стали использовать применительно к молодежным криминальным группировкам. "Нужно их интегрировать" означало: "нужно, чтобы они создавали семьи, приобретали специальность, чтобы они перестали бунтовать и противопоставлять себя обществу". То есть все это не имело никакого отношения к культурным проблемам.

До 1975 г. никто не говорил о проблеме иностранцев, поскольку иностранные рабочие приезжали и уезжали, беспрестанно сменяя друг друга. Но вот в 1974 г. был принят новый закон, границы закрылись, и иностранцы остались навсегда. И с этого момента возникла масса проблем, которые мы сами же и создали, поскольку можно было бы и дальше дать возможность иностранцам приезжать и уезжать. А коль скоро они остались, возникла проблема воссоединения семей. И Франция обязана выполнять международные договоры, регламентирующие этот процесс. Но раз уж эти люди живут во Франции, они должны стать французами. Таким образом, идея об их интеграции возникла в общем-то совсем недавно.

В начале 1950-х годов известный французский демограф Альфред Сови, один из авторитетных членов Верховного совета по населению, внедрил в общественное сознание идею о необходимости заселения охваченных депопуляцией регионов в долине р. Гаронны и на юго-западе Франции. Для этого он предлагал перевозить целые деревни "аборигенов", как он их называл, из Алжира. Еще раньше, в 1910-е годы, в этот регион было перевезено население нескольких деревень из Италии. Идея была проста: французы на юго-западе больше не рожают детей, у итальянцев рождаемость высокая, поэтому они могут помочь в воспроизводстве населения Франции. Никто в то время не поднимал вопроса об интеграции! Казалось совершенно естественным, что эти люди, перевезенные целыми семьями, будут такими же, как все.

У Франции особая история иммиграции, она связана с идеей о том, что наша страна в определенные моменты призвана принимать иностранцев, что она обладает определенной способностью их интегрировать. Все зависит от того, что мы понимаем под интеграцией, от обстоятельств прибытия иммигрантов, от критериев их отбора. Одна из наших нынешних проблем состоит в том, что мы произвели негативный отбор иммигрантов из Алжира: мы сознательно отдали предпочтение наименее образованным, в большинстве своем выходцам из сельской местности, поскольку хотели, во-первых, использовать их на общественных работах, и, во-вторых, не хотели, чтобы они создавали профсоюзы. Обычно иммиграционная политика базируется на позитивных критериях, в данном же случае был произведен негативный отбор. А теперь мы удивляемся, что дети этих иммигрантов испытывают трудности при интеграции. Но с подобными же трудностями сталкиваются дети сельскохозяйственных рабочих из французской "глубинки"!

Е.Ф.: Можно ли согласиться с утверждениями, будто существует некая "критическая" доля иммигрантов, при превышении которой их интеграция или, если хотите, аккультурация становится невозможной?

Э.Л.Б.: Это вопрос о "пороге" толерантности. Мне известно одно обследование, в ходе которого примерно 1 тыс. человек был задан вопрос: "Какой должна быть доля иностранцев, чтобы Вы больше не чувствовали себя дома"? Полученные ответы распределились в интервале от 1 до 50%, что свидетельствует о том, что какого-либо объективного порога не существует, все зависит от индивидуального восприятия и от массы конкретных условий. Для некоторых это 20%, для других – 40%, и совершенно невозможно вывести единый достоверный коэффициент. Следовательно, любые разговоры о "критической" доле иммигрантов – не более чем околонучные спекуляции. Однако было время, когда об этом писали во всех газетах!

Е.Ф.: Мы видим сегодня как в Европе, так и в России, что миграционная политика по сути сводится к полицейским мерам, в числе которых – усиление пограничного контроля и борьба с нелегальной иммиграцией. Не свидетельствует ли это о недооценке важности быстрого вхождения вновь прибывших в принимающее общество?

Э.Л.Б.: Да, это действительно так. Думаю, тут дело в страхе. В последнее время явно растет страх перед иммиграцией, что связано в значительной мере с такой острой проблемой, как безработица. Иностранец воспринимается как конкурент, согласный работать за более низкую зарплату. Что касается полицейских мер, то общество не имеет представления о том, насколько они в действительности эффективны. В частности, шенгенская зона располагает достаточно разветвленной сетью полицейского наблюдения, специальные радары позволяют отслеживать суда с нелегальными иммигрантами уже на середине акватории Средиземного моря. Сегодня гораздо меньше нелегальных иммигрантов проникает в Западную Европу, каналы их переправки пресекаются так же сурово, как каналы поставки наркотиков. Это не значит, что все полностью под контролем, но надо признать, что полиция добилась больших успехов.

Е.Ф.: Можно ли считать, что так называемая "проблема второго поколения", т.е. проблема национальной идентичности детей иммигрантов, рожденных во Франции, но считающих себя "иностранцами" по происхождению, – результат нежелания принимающего общества обратить иммигрантов в граждан? Не кажется ли Вам, что определенная часть так называемых "коренных французов" не готова принять иммигрантов как *равных*, а не как *других*? Об этой тенденции отторжения, исключения говорится, в частности, в текстах французских рэпперов:

*«Так вот она, Франция.
Неприступная, как крепость.
"Иностранец" здесь – это клеймо, как то, каким метят скот».*

И в ответ предлагается простое, но тупиковое решение:

*"Государство занято своими делами,
ему не нравится, что мы другие,
ему не нравится, что мы едины.
Давайте объединяться, чтобы остаться другими" (11'30 contre les lois racistes).*

Не этот ли феномен Ж.-Л. Амсель назвал "утешительной идентичностью", дающей индивиду иллюзию возможности самоопределяться, как ему хочется? Есть ли, по-Вашему, выход из этого тупика?

Э.Л.Б.: Да, возможно, именно оскорбленное чувство собственного достоинства заставляет их держаться за свою отличительность, непохожесть. Этот выбор – результат низкого положения на социальной лестнице и отсутствия надежды на восхождение по ней. Американцы называют данный феномен "ethnic revival". Надо сказать, что при всех недостатках социально-политической системы США она все же предоставляет иностранцам возможность социального роста. Французы – в большей степени эгои-

сты, они не очень хотят "делиться" с иммигрантами, давать им место рядом с собой. Посмотрите, например, что делается в больницах. Каждый раз, когда не хватает персонала, мы приглашаем иностранцев. Врачи, старшие медсестры, заведующие отделениями – французы, а вот персонал низшего звена в основном состоит из иностранцев. Мне кажется, это плохая тенденция, мы фактически не оставляем этим людям реального шанса, хоть и говорим при этом: "да, мы все равны".

Еще одно историческое событие, важное для понимания ситуации с иммигрантами, – это алжирская война. Французы очень хорошо относятся к выходцам из Туниса. Тунисец – это владелец бакалейной лавки на углу, они такие симпатичные ребята в целом... Но алжирцы... Французы не любят алжирцев после алжирской войны!

Е.Ф.: Скорее должно быть наоборот, это у алжирцев есть причины не любить французов?

Э.Л.Б.: Согласен, но, тем не менее, это именно так. Ведь алжирцы, что ни говори, победили, и это задевает нашу национальную гордость! У алжирцев нет этого чувства обиды победленного на победителя, тогда как многим французам оно знакомо. Вспомните, какую важную роль сыграл Версальский договор после Первой мировой войны в распространении идей нацизма в Германии. Гитлер отчасти построил свою пропаганду на осуждении этого несправедливого, по мнению немцев, договора: "Германия унижена, оскорблена" и т. п. Не менее жестко поступили победители с Германией после Второй мировой войны, но на то были веские причины: особая жестокость фашизма, лагеря смерти – за все это, действительно, должна была наступить расплата. Между тем в Первую мировую войну англичане или французы вели себя ничуть не лучше немцев, обе стороны применяли газовые атаки и пр. Сейчас много говорят о "работе памяти", о необходимости переосмысления и переоценки некоторых событий прошлого. В случае с Алжиром эта работа только начинается, все это достаточно сложные, деликатные сюжеты.

"Утешительная идентичность" – да, это хорошее определение, я думаю, что Ж.-Л. Амсель прав в этом отношении. Вот только вместо призыва *"объединяться, чтобы остаться другими"*, я бы сказал: "мы имеем право быть разными, но давайте сделаем так, чтобы наши различия не мешали нам жить вместе".

Е.Ф.: Давайте поговорим о так называемой "позитивной дискриминации". Возможно ли, что этот механизм будет принят во Франции, где отсутствует само понятие "меньшинств"? Недавняя инициатива Н. Саркози, предложившего назначить на высокий государственный пост выходца из иммигрантской среды, показывает, что даже в правительственных кругах есть люди, которым позитивная дискриминация не кажется абсолютно невозможной. Сегодняшний глава государства президент Ширак ясно высказался по этому вопросу: "при назначении на руководящие должности наших соотечественников иммигрантского происхождения, как и всех остальных французов, следует принимать во внимание лишь их деловые и личные качества". Можно ли ожидать, что будущие руководители Республики окажутся более благосклонными к данному механизму? И если это случится, не будет ли право на различие подменено жесткой фиксацией различий?

Э.Л.Б.: Думаю, что этого не произойдет. Более того, мне кажется, что и американцы скоро откажутся от этой практики. Единственная возможная во Франции форма позитивной дискриминации – это по территориальному принципу, т. е. целевая помощь населению неблагополучных кварталов. Это мне представляется возможным, но я не вижу, каким образом можно было бы использовать другие критерии. Для этого, действительно, понадобилось бы четко определять этническую принадлежность, а это крайне опасно. Что касается инициативы Саркози, то он готов на все ради того, чтобы взять власть, на любые союзы, поэтому его предложения не стоит принимать всерьез. Тем более что в его окружении нет компетентных людей, социологов, антропологов или философов. Это чистый политик, "политическая голова", как у нас гово-

рят, и он очень заботится о своей популярности, о том, чтобы все время быть на виду. К тому же, произнеся слова "позитивная дискриминация", он ничего не сказал о том, каким образом он собирается проводить ее в жизнь. Я с большим недоверием отношусь к подобным мерам, которые могут иметь весьма негативные последствия, стигматизируя соответствующие группы населения. Позиция Ширака недвусмысленна. Я не принадлежу к числу его горячих сторонников, вовсе нет, но как бы то ни было, он все же приверженец универсализма. Социалисты также не поддерживают данную идею, они уже высказывались на эту тему.

Вопрос о фиксации этнических критериев обсуждался и в ходе дискуссии об иммиграционных квотах, причем как левые, так и правые согласились с тем, что допустимы квоты по профессиям, но ни в коем случае не по принципу страны происхождения или религиозной принадлежности.

Е.Ф.: Каким должен быть ответ современных обществ на растущий культурный плюрализм? Может ли быть востребована во Франции, где, как показывают результаты региональных выборов, сепаратистские движения не пользуются сколько-нибудь массовой поддержкой населения, провокационная идея "отделить государство от нации", как предлагает, например, Ален Дьеккофф? (*Dieckhoff* 2000: 285–286).

Э.Л.Б.: Государство и нация и так достаточно отделены друг от друга. Эти два сообщества не объединяют одних и тех же людей, и соответствующие термины не относятся к одному и тому же феномену. Например, японцы, живущие на территории Франции, подчиняются французскому государству, они должны соблюдать его законы, но при этом они не входят в состав французской нации. Термин "государство-нация" обозначает определенный тип политического устройства, а вовсе не то, что между государством и нацией можно поставить знак равенства. Даже обыденное употребление этих терминов показывает, что они не взаимозаменяемы: мы говорим: "это прерогатива государства", но не "это прерогатива нации"; и это лишь один из примеров. Государство – это структура власти. Помните знаменитую фразу Людовика XIV: "Государство – это Я", что на самом деле означает: "это Я принимаю решения". Государство – это узаконенное право на насилие, право на власть. К нации все это не относится.

Е.Ф.: Европейское сообщество обращает большое внимание на проблемы меньшинств. Считаете ли Вы вероятным, что Франция будет вынуждена присоединиться к международным документам, направленным на защиту прав меньшинств?

Э.Л.Б.: Это сложный вопрос: все зависит от того, как мы определяем меньшинства. Я приведу Вам пример: в Италии, если в какой-нибудь школе большинство родителей учащихся одного из классов требуют, чтобы преподавание велось не на итальянском языке, а, например, на словенском, то для их детей открывают специальный класс. Таким образом, обеспечение права меньшинства становится возможным благодаря тому, что на местном уровне, пусть даже на уровне квартала, оно составляет большинство. Во Франции такое невозможно, все преподавание ведется на французском. На мой взгляд, говорить о "правах меньшинств" в общем плане не имеет смысла, нужно каждый раз уточнять, о каком меньшинстве идет речь, как определить его численность, какие права предоставить... Можно сказать, что "affirmative action" представляет собой одну из форм защиты прав меньшинств, но европейские институты предписывают гораздо более частные меры, нежели этот общий принцип. Я думаю, что Франция будет сопротивляться, но это означает не противопоставление большинства меньшинству, а противопоставление принципу меньшинства принципу гражданства, что предполагает универсализм и равенство прав на всей территории страны. Однако существуют достаточно сложные ситуации, затрудняющие обеспечение равенства прав. Возьмем, например, проблему строительства мечетей. У католиков нет недостатка в культовых помещениях, церкви строились во Франции на протяжении столетий. А мечетей раньше не было. Можно сказать, что церковь отделена от государ-

ства, и никто не мешает мусульманам купить участок земли и построить на нем мечеть. Нередко, впрочем, муниципалитеты противятся этому, например, в Марселе местные власти долго не давали разрешение на строительство минаретов, и это вызвало обиду у мусульманского населения. Но самое главное – во многих случаях у мусульман недостаточно денег на строительство мечети. Отсюда вопрос: следует ли считать, что государство должно оказывать помощь мусульманам, поскольку католики имеют определенное преимущество?

Е.Ф.: Или пусть они обращаются за помощью к Саудовской Аравии...

Э.Л.Б.: Саудовская Аравия готова вкладывать деньги в строительство больших мечетей в крупных городах, там, где они на виду. Но строительство мечети в бедном квартале парижского пригорода – это слишком мелко для эмиров! Вот действительно серьезный вопрос, связанный с правами меньшинств. Сложность в том, что во имя соблюдения принципа равенства предлагают кому-то давать особые права: "то, что дано католикам, должно быть дано и остальным". Но подобные рассуждения не учитывают, в частности, того, что определенная часть французов – люди не религиозные, вот я, например. Почему я должен финансировать католиков или протестантов? Если я – не верующий человек, какое вы имеете право на мои деньги строить мечеть? Можно сказать, что это тоже нарушение прав меньшинств. И снова встает вопрос о том, как определить "меньшинство" – значит, мы возвращаемся к проблеме этнических признаков. Например, в той же Италии есть Тироль, население которого говорит по-немецки, оно воспроизводит немецкую культуру, этот регион поддерживает тесные связи с Австрией. Тирольцы считаются меньшинством. Во Франции же жители Страны басков или Эльзаса меньшинством не считаются... Пожалуй, в том, что касается меньшинств, у меня больше вопросов, чем ответов.

Литература

- Amselle 2001 – Amselle J.-L. Vers un multiculturalisme français. L'empire de la coutume. P.: Flammarion, 2001. P. 16.
Arendt 1993 – Arendt H. Rahel Varnhagen. P.: Agora, Pocket, 1993.
Birnbauм 2003 – Birnbauм P. La France imaginee. P.: Gallimard, 2003.
Dieckhof, 2000 – Dieckhoff A. La nation dans tous ses etats. P.: Flammarion, 2000.
Gossiaux 1997 – Gossiaux J.-F. Ethnie, ethnologie, ethnicite // Ethnologie française. 1997. № 3.
Le Bras 1994 – Le Bras H. Le sol et le sang. P.: L'Aube, 1994.
Le Bras, 1998 – Le Bras H. Le Demon des origines. Demographie et extreme droite. P.: L'Aube, 1998.
Maalouf 1998 – Maalouf A. Les identites meurtrieres. P.: Grasset, 1998.
"11'30 contre les lois racistes" – CD Single. Editeur: Cercle Rouge. Production: Crépuscule. Sortie: 04.08.1997. (Пер. мой. – Е.Ф.)

Перевод с французского Е.И. Филипповой

E.I. Filippova. Blood or Soil? (What Is a French Nation Today): An Interview with Herve Le Bras

What is a French nation and what is it going to become? Is there a room for cultural diversity in it? Are statements about the crisis of the French model of integration grounded? What kind of place is there for France in the united Europe and the globalizing world? Will the country and its people be able to preserve their cultural distinctiveness and the value system that goes back to the ideals of the Enlightenment? These and other questions are posed to Herve Le Bras, director of the historical demography laboratory at l'Ecole des hautes etudes en sciences sociales and author of "Le sol et le sang" (1994), "Le Demon des origins" (1998), and other books.